

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ФРАКЦИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Ф. И. Калинычев

Большевики — депутаты IV Государственной думы А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов с честью отстаивали интересы революционного рабочего класса в царской думе последнего созыва.

Оценивая их деятельность, В. И. Ленин писал, что депутаты-большевики «блистали не красноречием, не «вхожестью» в буржуазные, интеллигентские салоны..., а связями с рабочими массами, самоотверженной работой в этих массах, выполнением скромных, невидных, тяжелых, неблагодарных, особенно опасных функций нелегального пропагандиста и организатора»¹.

Работа большевистских депутатов в Думе и вне ее представляет собой одну из славных страниц в истории нашей партии. Однако эта деятельность полностью еще не изучена, многие факты пока остаются неизвестными.

Основными источниками для изучения истории большевистской фракции, кроме партийных документов и произведений В. И. Ленина, являются воспоминания самих депутатов-большевиков². В 20—30-х годах публиковались документы по отдельным вопросам работы большевистской фракции в Думе³. Однако эти сборники не были исчерпывающими, а главное, они давно стали библиографической редкостью. Можно назвать некоторые монографические работы, выпущенные в последнее время, а также несколько статей и кандидатских диссертаций⁴.

Поэтому нам представляется полезным сообщить о некоторых документах и фактах, способствующих изучению данной темы.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 151.

² А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. М. 1954; Г. И. Петровский. Наш мудрый вождь. «Воспоминания о В. И. Ленине». Т. 1. М. 1956, и другие статьи; Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М. 1954, а также отдельные статьи.

³ «Переписка Г. И. Петровского с донбасскими и екатеринославскими рабочими (1913—1914)». «Летопись революции». Харьков. 1926, № 5, стр. 131—151; Г. И. Петровский. Речи и статьи периода IV Государственной думы 1912—1914 гг. Ч. 1. Харьков. 1930; «Нелегальная работа большевистской фракции IV Государственной думы». «Красный архив», 1936, т. 4, стр. 61—90; «Письма рабочих в большевистскую фракцию IV Государственной думы». «Историк-марксист», 1937, кн. 2, стр. 123—142; «Большевистская фракция IV Государственной думы». Сборник материалов и документов Л. 1938.

⁴ Е. Д. Черменский. Борьба классов и партий в IV Государственной думе (1912—1917). М. 1948 (докторская диссертация); его же. Выборы в IV Государственную думу. «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 21—40; П. Галкина. Большевики в IV Государственной думе. «Борьба классов», 1935, № 11, стр. 94—106; М. З. Ольховский. Внедумская деятельность большевистской фракции в IV Государственной думе. М. 1952 (кандидатская диссертация); Н. Ф. Фролов. Большевистская фракция в IV Государственной думе. Л. 1954 (кандидатская диссертация); И. П. Довженко. Использование большевистской партией избирательной кампании в IV Государственную думу для привлечения крестьянства на сторону пролетариата. М. 1956 (кандидатская диссертация), и др.

Как известно, одним из вопросов, вызвавших разногласия между большевиками и меньшевиками в Думе, был вопрос о включении в состав фракции депутата Варшавы Е. И. Ягелло. Последний прошел в Думу в результате образования блока между Польской партией социалистов (ППС-левица) (Ягелло принадлежал к этой партии), Бундом и националистической еврейской буржуазией. Этот блок был направлен против социал-демократов. Вступив в него, Бунд, находившийся в организационной связи с РСДРП, нарушил решения и директивы партии, совершил по отношению к ней предательство. Включать Ягелло в состав социал-демократической фракции нельзя было потому, что он принадлежал к другой партии и не являлся представителем большинства рабочего класса Польши, а также (и это особенно важно) потому, что он был избран силами, выступавшими на выборах против социал-демократии.

Большевики не считали возможным принять Ягелло в состав фракции. Однако меньшевикам удалось проташить половинчатое решение. Ягелло был допущен в социал-демократическую фракцию как неполноправный член: он получил решающий голос по вопросам думской работы и совещательный — по вопросам внутренней жизни фракции.

Тот факт, что Ягелло прошел в Думу не как представитель большинства польского рабочего класса, известен в литературе. Об этом упоминает, в частности, А. Е. Бадаев⁷. Однако мало кто знает, что польские социал-демократы — лишь только Ягелло оказался избранным в Думу — заявили решительный протест против того, чтобы он рассматривался как представитель социал-демократии и рабочего класса Польши. В этой связи большой интерес представляет письмо Главного правления Социал-демократии Польши и Литвы в социал-демократическую фракцию Думы от 22 (9) ноября 1912 года. «Уважаемые товарищи, — говорилось в нем, — ввиду того, что депутат от Варшавы Евгений Ягелло заявил в печати о своем намерении вступить в социал-демократическую фракцию, Главное Правление С.-д. Ц[арства] П[ольского] и Л[итвы] заявляет следующее: Евгений Ягелло не может считаться депутатом от рабочих и не может быть принятым в члены с.-д. фракции». В заключение письма указывалось: «Допущение Е. Ягелло в с.-д. фракцию с мандатом не от польских рабочих, а от еврейских националистов, вопреки протестам польских с.-д. и вопреки решениям Стокгольмского съезда (по вопросу об объединении Социал-демократии Польши и Литвы с РСДРП. — Ф. К.), могли бы еще более обострить внутреннюю борьбу в РСДРП и вызвать отчуждение между с.-д. фракцией и польским социал-демократическим пролетариатом, сгруппированным вокруг ПСД. Ввиду этого Главное правление ПСД ожидает от социал-демократической фракции отказа Ягелло в его просьбе о допущении во фракцию в качестве ее члена, против чего оно считало себя обязанным протестовать самым решительным образом»⁸.

Письмо было направлено социал-демократической фракции в тот момент, когда она обсуждала вопрос о Ягелло. Однако меньшевики не желали считаться с доводами польской социал-демократии и польских рабочих. Только депутаты-большевики заняли в этом вопросе правильную позицию, защищая интересы всего рабочего класса, в том числе и пролетариата Польши.

Осенью 1913 г. произошел раскол объединенной социал-демократической фракции на фракцию меньшевиков и самостоятельную большевистскую фракцию. Подавляющая часть рабочего класса, как известно, поддержала большевиков. В их адрес со всех концов страны поступали резолюции коллективов, письма отдельных рабочих с приветствиями

⁷ А. Е. Бадаев. Указ. соч., стр. 52—53.

⁸ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. департамента полиции, особый отдел, 1912, ед. хр. 307, лл. 299—305.

большевистским депутатам, заверениями в поддержке их деятельности, с осуждением раскольнических действий ликвидаторов-меньшевиков. Эти резолюции, обращения и письма публиковались в «Правде». Многие из них приводились позднее в сборниках и других работах. Однако в наших архивах есть и неизвестные или малоизвестные письма, очень интересные и важные по своему содержанию. К их числу относится письмо рабочих Петербурга. «Мы, рабочие трубочного завода из мастерской № 2, — говорится в нем, — ознакомившись из газет с создавшимся положением в с.-д. думской фракции, категорически протестуем против чинимого насилия 7 депутатами над 6 рабочими представителями в смысле подавления ничтожным большинством 1 голоса незаконно принятого депутатами Ягелло. Мы требуем от 7 признать за 6 депутатами как представителями большинства рабочего класса права руководства рабочими по всем вопросам рабочей тактики»⁹.

В другом письме, из Уфы, говорилось о том, как меньшевики, пытаясь уйти от ответственности за раскол фракции, прибегали к обману рабочих, к нажиму на них с целью получения желательных для них писем и резолюций. Собравшись и обсудив создавшееся положение, группа уфимских рабочих сочла виновной в расколе семерку и высказалась за единство социал-демократической фракции, а также за равноправие обеих ее частей. На собрании была выработана резолюция с приветствием шестерке, последовательно проводившей марксистскую тактику и отстаивавшей «неурезанные лозунги рабочего движения». Резолюция, как свидетельствует письмо, была послана на имя депутата IV Государственной думы от Уфимской губернии меньшевика В. И. Хаустова с требованием напечатать ее в газете «За правду». Однако Хаустов не выполнил просьбы рабочих. Он попытался убедить их в ошибочности резолюции и советовал снова собраться, чтобы вынести резолюцию в угодном для семерки духе «или же отложить резолюцию до его будущего приезда», то есть попросту замолчать ее. Рабочие вновь собрались, обсудили резолюцию. Но мнение их не изменилось. К старому тексту они сделали добавление: «Эта резолюция была вынесена нами, рабочими, в начале раскола с.-д. фракции и послана на имя нашего уфимского депутата товарища Хаустова с требованием напечатать ее в газете «За правду». Но товарищ Хаустов не исполнил нашей воли, а обратился к нам с письмом, в котором упрекал нас в ошибочности такой резолюции, просил обратиться снова и вынести резолюцию в желательном для Хаустова (семерки) духе. Мы снова собрались, снова обсудили создавшееся положение в с.-д. фракции и опять остались при старой резолюции...»¹⁰.

Письмо уфимских рабочих свидетельствует не только о недостойных методах фракционной борьбы, которые применяли меньшевики, но и о глубокой убежденности рабочих в том, что лишь большевистские депутаты являлись подлинными представителями и защитниками интересов рабочего класса.

В противоположность буржуазным парламентариям депутаты-большевики считали борьбу в Думе лишь одной из сторон своей партийной деятельности. Другой, главной стороной была огромная внедумская работа — легальная и нелегальная. Думская фракция рассматривала себя как одну из партийных организаций, призванную под руководством Центрального Комитета бороться за общие цели партии. Внедумская работа стояла на первом плане у членов большевистской фракции, ибо она была непосредственно направлена на подготовку новой революции в России, на организацию и воспитание пролетариата. Именно этого требовал рабочий класс в своих наказах пролетарским депутатам. Одним из таких документов является наказ рабочих Харькова и Харьковской губернии.

⁹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 364, оп. 4, ед. хр. 40981, л. 42.

¹⁰ Там же, ф. 364, оп. 4, ед. хр. 40981, лл. 48—49.

В этом документе рабочие писали: «Мы вменяем в обязанность нашему депутату поддерживать постоянно самую тесную связь с харьковскими рабочими. Для этой цели он должен вести регулярную переписку с местными рабочими организациями, осведомляя их о деятельности фракции вообще и о своей деятельности в частности, а также приезжать лично в Харьков по крайней мере через каждые 6 недель. В экстренных случаях, когда в интересах рабочего движения в Харьковской губ. потребуются присутствие депутата, он также должен приезжать по требованию [группы]». Касаясь взаимоотношений думской фракции и партии, рабочие в наказе подчеркивали, что депутат «должен поддерживать единство фракции на основе подчинения партийным учреждениям»¹¹.

Депутаты-большевики были тесно связаны с рабочими коллективами фабрик, заводов, мастерских, поселков и городов не только тех районов, от которых они были избраны, но и всей страны, выступали перед ними на собраниях и митингах, вели переписку. Они опирались на уполномоченных от рабочих, избравшихся во время выборов в Думу. Уполномоченные становились постоянными помощниками депутатов на местах, их опорой. О том, какую большую пользу приносила связь депутатов с уполномоченными для революционной агитации и пропаганды, свидетельствовало то, что царские власти были серьезно обеспокоены этой деятельностью. В марте 1913 г., как подтверждает малоизвестный в литературе документ департамента полиции, представленный правительству, власти предлагали ряд мер, чтобы порвать связи рабочего класса со своими депутатами. «Для устранения подобных нежелательных явлений,— говорилось в докладе,— или хотя бы подрыва этой работы на некоторый период времени представлялось бы необходимым перемещать уполномоченных, путем увольнения их с заводов и фабрик в тех расчетах, что, пока уволенные уполномоченные найдут себе новые места на других фабриках и заводах и пока на новых местах приобретут необходимое для избрания в уполномоченные положение и значение в рабочей среде, должен протечь значительный промежуток времени. Выяснение личностей уполномоченных не представит затруднения, так как списки всех уполномоченных имеются у губернаторов»¹².

Полиция не только предлагала, но и действовала. Рабочие поселка Марьевки, Екатеринославской губернии, сообщали в большевистскую фракцию, что после приезда к ним депутата Г. И. Петровского «идут обыски у уполномоченных 4-й Государственной думы и у рабочих, пока никто не арестован, но увольняют с рудников. Каждый надзиратель стремится избавиться от неблагонадежного элемента»¹³.

Несмотря на полицейские преследования, рабочие обращались к своим депутатам с письмами, заявлениями, вопросами, приветствиями и пожеланиями. Шахтеры Вознесенского рудника, Екатеринославской губернии, писали на имя своего депутата: «Приветствуем Российскую социал-демократическую рабочую фракцию за внесенный законопроект о 8-часовом дне и 6-часовом дне для шахтеров. Не надеясь на помещиков и капиталистов, что этот законопроект пройдет, мы знаем, что только упорной борьбой можно завоевать себе это право. Мы и будем стремиться провести его активной борьбой»¹⁴.

Письма поступали не только от рабочих, но и от крестьян, мелких служащих, студентов, ссыльных и т. д. Слушатели Московского коммерческого института просили рабочих депутатов внести в Государственную думу запрос об избиении полицией в Москве в ноябре 1912 г. студентов этого института или же «присовокупить таковой к запросу об избиении

¹¹ ЦГИАМ, ф. департамента полиции, особый отдел, 1913, ед. хр. 307, лл. 394—395.

¹² Там же, л. 118 и об.

¹³ Там же, ед. хр. 307, прод. 1, л. 82 и об.

¹⁴ Там же, 1914, ед. хр. 307, л. 194.

московских рабочих в текущем месяце»¹⁵. Сорок девять политических заключенных обратились с просьбой к депутату А. Е. Бадаеву приехать к ним в псковскую губернскую тюрьму и сообщали, что в этой тюрьме «невыносимый режим»¹⁶. Бывший служащий фабрики товарищества Большой кинешемской мануфактуры, оказавшийся в результате болезни в тяжелом материальном положении, просил депутата-большевика Н. Р. Шагова о помощи¹⁷.

Совершая поездки по стране, депутаты-большевики встречались с рабочими, крестьянами и другими представителями трудящихся. Эти встречи нередко превращались в политические митинги. Трудовой люд принимал резолюции в поддержку деятельности большевистской фракции в Думе. Вот одна из них: «Выслушав Ваш доклад о думской Вашей работе в социал-демократической фракции 4-й Государственной думы, — писали рабочие села Середы, Костромской губернии, после встречи с депутатом Н. Р. Шаговым, — и находя ее заслуживающей полного доверия, мы... выражаем единогласно Вам свою искреннюю благодарность с пожеланиями и впредь стойко и неуклонно работать в Думе под знаменем социал-демократии и разоблачать лицемерную политику представителей думского большинства, являющегося выразителем буржуазных эксплуататорских интересов землевладельцев-помещиков, сторонников мракобесия народа. Работайте, товарищи, и будьте уверены, что за Вами — рабочий класс, сочувствующая ему демократия страны, непреложные законы общественного развития и в конечном итоге — уверенность в нашей победе»¹⁸.

Полиция и жандармерия, учитывая популярность депутатов-большевиков в народе, установили за ними тщательную слежку. Об этом свидетельствует, например, справка департамента полиции по поводу разездов Г. И. Петровского¹⁹. Такие материалы имелись на всех депутатов-большевиков. Они составлялись на основе полицейских донесений из губерний, где устанавливалось тщательное наблюдение за каждым шагом депутата²⁰.

Слежка за депутатами была настолько наглой, что под влиянием протестов рабочих масс полиции приходилось несколько «сдерживать» рвение своих агентов. Так, директор департамента полиции писал костромскому губернатору, что «по заявлению члена Государственной думы Шагова низшие чины полиции доставляют его семье постоянное беспокойство при посещении места своей родины», и распорядился, чтобы при наблюдении применялись более конспиративные методы²¹.

Несмотря на объявленную законом неприкосновенность депутатов, полицейские власти стремились изыскать любой предлог, чтобы арестовать депутатов-большевиков во время их встреч с избирателями, выступлений на митингах и собраниях рабочих и расправиться с ними. 30 апреля 1913 г. департамент полиции разработал меры против рабочих депутатов Думы на тот случай, если они примут участие в праздновании 1 Мая. В полицейском документе указывалось, что эти депутаты «могут быть подвергнуты задержанию чинами полиции, но тотчас же преданы прокурорско-следственной части», для чего 1 мая «с раннего утра» должны быть «наготове» судебный следователь и товарищ прокурора²².

9 мая министерство внутренних дел и департамент полиции направили губернаторам и градоначальникам циркуляр, в котором предписы-

¹⁵ Там же, 1912, ед. хр. 307, л. 345-к.

¹⁶ Там же, 1914, ед. хр. 307, прод. III, л. 107.

¹⁷ Там же, ф. департамента полиции, особый отдел, 1914, ед. хр. 307, прод. III, л. 96.

¹⁸ Там же, ф. департамента полиции, особый отдел, 1913, ед. хр. 307, лл. 41 и об.

¹⁹ Там же, 1914, ед. хр. 307, прод. III, лл. 1—2а.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, прод. II, л. 229.

²² Там же, 1913, ед. хр. 307, прод. I, л. 156.

валось местным властям строго следить за действиями пролетарских депутатов и при малейшей возможности, не останавливаясь ни перед чем, привлекать их к уголовной ответственности. «Члены социал-демократических фракций Государственной думы, а также и трудовой группы,— говорилось в циркуляре,— как неоднократно наблюдалось, пытались использовать перерывы в занятиях Думы и пребывания свое в местностях, от которых они избраны, с целью оглашения своих противоправительственных взглядов под видом ознакомления избирателей с деятельностью Государственной думы, а некоторые из них, рассчитывая на особые гарантии неприкосновенности личности, установленные для членов законодательных учреждений, переходили к явно агитационной деятельности и распространяли суждения, возбуждающие к ниспровержению существующего в государстве общественного строя. Признавая подобное явление совершенно недопустимым, прошу ваше превосходительство сделать распоряжение о наблюдении через подведомственных вам чинов полиции за деятельностью членов Государственной думы названных фракций в этом направлении и неукоснительном привлечении их к ответственности в тех случаях, когда в деяниях их установлены будут признаки одного из государственных преступлений, предусмотренных действующими уголовными законами»²³. Циркуляр определял и порядок привлечения рабочих депутатов к судебной ответственности.

В июле 1914 г. департамент полиции вновь обращал внимание губернаторов на то, что «некоторые члены Государственной думы левого направления пытаются использовать пребывание свое в различных местностях империи с явно агитационной целью». В дополнение к циркуляру от 9 мая 1913 г. местным властям было предложено категорически запрещать выступления депутатов, «на которых падает подозрение в агитации среди населения», «как на собраниях в закрытых помещениях, так и в собраниях на открытом воздухе», а также докладывать департаменту полиции о переездах «подозрительных депутатов из губернии в губернию»²⁴.

С началом первой мировой войны преследование депутатов-большевиков, выступавших с разоблачением ее империалистического характера, усилилось. Как известно, царскими властями был использован первый же повод, чтобы расправиться с членами большевистской фракции. Они были выслежены полицией в ноябре 1914 г., когда под Петроградом проводили совещание с партийными работниками о задачах борьбы против империалистической войны, арестованы и преданы суду.

В заключение необходимо коснуться некоторых фактов, связанных с судом и ссылкой депутатов-большевиков и отношением рабочего класса к этим событиям.

Первоначально правительство собиралось передать рассмотрение дела членов большевистской фракции военному суду. Однако, опасаясь революционных выступлений пролетариата, оно решило судить их в обычном порядке.

В частности, за передачу дела депутатов-большевиков военному суду выступали министр юстиции Щегловитов, градоначальник столицы принц Ольденбургский и другие царские чиновники и учреждения. Иного мнения придерживался верховный главнокомандующий, дядя царя Николай Николаевич, который потребовал рассмотрения дела в гражданском суде. С этим предложением согласилась царь. Причины назначения гражданского суда над депутатами наглядно видны из документов, хранящихся в архивах. 6 декабря 1914 г. шеф жандармов, товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский писал в Ставку верховного главнокомандующего: «По делу депутатов у меня совершенно определенное мнение, что, по государственным соображениям, передавать дело военному суду

²³ Там же, л. 50.

²⁴ Там же, 1914, ед. хр. 307, прод. II, л. 286.

нежелательно. Депутаты арестованы с поличным, следствие стоит прочно, и при нормальном ведении следствия улики будут только крепнуть и оправдания быть не может. Наказание по приговору суда, а тем более по закону военного времени может вселить в население [убеждение], что правительство воспользовалось военным положением и расправилось с ненавистными ему депутатами; революционная среда приплетет чувство мести и создаст благоприятную обстановку для агитации. Чем более будет уклонений от нормального порядка при следствии и суде над депутатами, тем более вероятности ожидать каких-либо выступлений и нарушения настоящего спокойного течения дела...»²⁵.

Те же мотивы были высказаны и в письме верховного главнокомандующего на имя председателя совета министров Горемыкина. «Когда возник вопрос о предании суду арестованных в Петрограде вместе с другими социалистами пяти членов Государственной думы, — писал он, — то по первому же впечатлению мне совершенно очевидным представилась необходимость избрать такой способ предания суду, который устранял бы возникновение толков об использовании правительством военного положения, как предлога от них отделаться. По глубокому моему убеждению, передача дела на рассмотрение военного суда неизбежно должна была получить именно такое объяснение и вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов. Между тем, спокойствие в рабочей среде, обслуживающей разнообразные нужды армии, в заботах о последней представлялось мне весьма важным»²⁶.

28 декабря Николай II распорядился изъять дело депутатов-большевиков «из-под действия военного положения». Оно было передано на рассмотрение особого присутствия Петроградской судебной палаты²⁷.

Приведенные документы свидетельствуют о тесной связи депутатов-большевиков с массами, о готовности последних поддерживать своих лучших сынов и защитников интересов всех трудящихся.

10 февраля 1915 г. состоялся суд над пятью депутатами-большевиками. Все они мужественно вели себя во время суда и от имени пролетариата выступили с обличительными речами против царских палачей, кровавой империалистической бойни и преступной политики самодержавного правительства. В. И. Ленин в ряде своих работ и особенно в статье «Что доказал суд над РСДР фракцией?» высоко оценивал деятельность большевистских депутатов, мужественное поведение их на суде²⁸. Все пять членов Российской социал-демократической рабочей фракции IV Государственной думы были приговорены к ссылке в Сибирь на поселение.

Рабочий класс неоднократно и упорно выражал свое возмущение неслыханным произволом в отношении большевистских депутатов, добивался их освобождения и возвращения в Думу. Ежегодно 10 февраля — день суда над членами большевистской фракции — проводились стачки и митинги, выпускались большевистские прокламации, выносились резолюции рабочих коллективов.

Забастовки, митинги и выступления рабочих Петрограда 10—14 февраля 1917 г., начавшиеся в годовщину позорного суда над депутатами-большевиками, слились затем с событиями Февральской революции, которая уничтожила ненавистное народу самодержавие и открыла путь к Великому Октябрю.

²⁵ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1276, 1914, оп. 10, ед. хр. 114, лл. 5—6.

²⁶ Там же, ед. хр. 1149, лл. 8—9.

²⁷ Там же, л. 4.

²⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 149—154.